

Шупляк, С. П. Средневековые религиозные путешествия на Восток / С. П. Шупляк // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 147–151.

С. П. Шупляк

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК

Свои знания о мире средневековые люди черпали в первую очередь из Священного писания. Однако Библия, как известно, не содержит сколько-нибудь определенных связных географических знаний и позволяет составить лишь самое общее представление об устройстве окружающего мира.

147

Так, в Ветхом завете часто (хотя и не повсеместно) земля предстает плоским кругом, ограниченным куполообразным небесным сводом. Впрочем, из других высказываний следует, что земная плоскость имеет концы (т. е. она — не круг), а небо находится на опорах и столпах, но не лежит непосредственно на земле. При этом, говоря о небесах, Библия использует два термина и имеет в виду два разных неба. Нижнее — твердь небесная. К ней снизу крепятся светила. Ее противоположная плоскость служит дном небесного моря. Верхнее небо — крыша своеобразного двухэтажного здания, которое образует Вселенная. В Ветхом завете, например, говорится о принципиальной невозможности для человека установить их размеры. Центром («пупом») земли считался Иерусалим. Этот священный для всех христиан город представлялся по-настоящему сказочным. Библия описывала его как единственное место, где возможно было получить отпущение всех грехов и попасть в небесное царство в случае наступления судного дня. По библейским сведениям к востоку от Иерусалима (средневековые карты размещали восток на месте нынешнего севера) находилась высокая гора. С нее брали начало четыре великие реки: Тигр, Евфрат, Фисон и Геон, обтекавшие Эдемский сад, т. е. земной рай. При этом Фисон идентифицировался с Гангом (иногда с Индом), а Геон — с Нилом. Индийский океан рисовался замкнутым морем, а его острова люди в своей фантазии наполняли золотом, пряностями, благовонными деревьями. Окраины ойкумены представлялись землями, наполненными богатствами и чудесами, а тамошние страны — свободными от социальных и моральных ограничений, старательно насаждая шихся церковью и государством в реальном мире.

Средневековое пространство было иерархизировано и в сознании средневекового человека прочно связано с социально-политической иерархией сеньориально-вассальных отношений. Ойкумена разделялась средневековой географией на три части: Европу, Азию и Африку. Это географическое деление усугублялось делением религиозным. Европа мыслилась христианским материком, Азия и Африка — средоточием язычества, магометанства (ислама), неверия и нечестия.

Люди средневековья в основном были домоседами. «Постоялство в пространстве» было популярным общественным идеалом того времени. Бродяги и кочевники воспринимались как антисоциальный элемент. Господствовало правило, что человек должен жить там, где он произошел на свет. Тем не менее, средневековые были

и довольно подвижной эпохой. Наемники и купцы, ремесленники и пилигримы, монахи, крестьяне, уходящие из-за голода или бегущие

от безжалостного сеньора, — все эти люди постоянно нарушали привычный общественный идеал и преодолевали пространство и вместе с этим и страх перед пространством.

В западноевропейском мире господствовало христианское религиозное сознание. Оно исходило из универсальной модели человека как творения Божьего. Человек и его душа, согласно христианскому учению, всегда были предметом борьбы, которую вел против Бога — Духа Добра, Сатана — Дух Зла. Человек должен был сам принимать решение о том, поддаваться ему греховным искушениям или противостоять им, выбирая таким образом Рай или Ад. Отсюда вытекали две широко распространенные на протяжении всего средневековья концепции человека. Согласно одной из них, человек — вечный путник, совершающий странствие по земной жизни. Он выбирает либо путь к спасению, либо к вечной смерти и страданиям. Тип человека-странника олицетворяли прежде всего пилигримы, совершавшие паломничества по святым местам. Именно паломничество было в то время наиболее благочестивой формой путешествия. Оно породило впоследствии и более опасную форму земных странствий — Крестовые походы.

Самое раннее повествование о совершении паломничества относится к IV в., когда в 333 г. неизвестный паломник из города Бордо дошел до Иерусалима. Это путешествие интересно тем, что самому Иерусалиму было возвращено это название лишь в 325 г. Город был разрушен римлянами в 135 г., а на его месте существовало поселение Элия-Капитолина. Но в IV в. византийский император Константин, сделавший христианство официальной религией, восстановил Святой город, сменил название поселения и даже построил на месте библейских святынь несколько церквей. О совершенном путешествии паломник из Бордо поведал в своих записках, дошедших до наших дней. Такого рода записки впоследствии получили название итинерариев и широко распространились в христианском мире как особый литературный жанр. Путь бордоского странника из Южной Франции в Святую Землю стал своего рода путеводителем, а его итинерарий был официально утвержден церковью. Еще одно святое странствие в том же IV в. примечательно тем, что его смогла совершить женщина, хотя на протяжении всего средневековья к таким путешествиям церковь и общество относились крайне отрицательно. Паломница из Испании, по имени Сильвия дошла до Святого города и также оставила об этом свои воспоминания.

С этих первых путешествий в Западной Европе начинает устанавливаться традиция паломничеств и паломнической литературы.

В итинерариях вырабатываются правила рассказа о пути паломника, а также красочного описания мест Палестины и самого Иерусалима. Часто в этих справочниках описываются различные чудеса, происходившие в Святом городе на местах жизни Христа. Описывалось например, как в Храме Гроба Господня происходило схождение с небес Святого огня, от которого паломники зажигали лампы и несли их как реликвию домой. В своих описаниях странники пытались придать нечто чудесное каждой святыни.

Начиная с IV в. путешествия в Палестину становятся довольно частыми и продолжаются до VI в. Но в результате захвата Иерусалима арабами в 637 г. поток паломничеств становится меньше, хотя не прекращается совсем. Политика религиозной терпимости арабов по отношению к христианам допускала возможность совершения путешествий. В 807 г. багдадский халиф Харун ар-Рашид передает христианские святыни под покровительство императора Карла Великого, который сам совершает паломничество. В результате переговоров возобновляются пожертвования в пользу христианских церквей и других религиозных учреждений. Но такие добрые отношения между двумя религиями продолжались недолго. В 1009 г. египетский халиф ал-Хаким начинает гонения на христиан и приказывает разрушить их главную святыню Храм Гроба Господня.

Период начала тысячного года отмечается всплеском паломничеств именно в Святую Землю. Это было связано с трактовкой текста Библии, указывающей на то, что через тысячу лет после рождения Христа наступит судный день. Люди со всех уголков Европы стремились попасть в Иерусалим, так как согласно Писанию, небесный Иерусалим, город Бога и праведников спустится с небес в земной город. Данный всплеск религиозных чувств был использован церковью, которая направила его в русло Крестовых походов, начатых в 1099 г. Их главной целью, как провозглашало папство, было освобождение святых мест христианства от неверных. Религиозные путешествия на начальном этапе совершались прежде всего из-за высокого авторитета церкви в обществе, в результате желания убедиться в правдивости библейского сказания, а также для искупления своих грехов. С началом же Крестовых походов идея мирного паломничества сменяется идеей вооруженной борьбы за освобождение Святого города.

Несмотря на сложные условия жизни средневековья, которые диктовали оседлое существование, в обществе той эпохи находились люди, которые совершали дальние и опасные путешествия. Большинство

из них толкали на это невзгоды своей жизни. Такого рода странствия не одобрялись и считались пустым занятием. Однако паломничества к святым местам имели другой статус. Это были странствования, которые совершались для испытания веры человека, а иногда назначались церковью для осмысления и искупления грехов. Не случайно в дальнейшем паломничество мыслилось как подражание Христу в его страданиях. Даже смерть во время пути считалась подобной смерти на кресте. Такое странствие соответствовало духу христианской религии и идеологии, господствовавшей в то время.